

УДК 821.111

РОМАН Ч. ДИККЕНСА «НАШ ОБЩИЙ ДРУГ» В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ

© 2013 Ю.И. Коновалова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30.01.2014

Аннотация: В статье дается обзор критических суждений зарубежных и отечественных исследователей о последнем завершённом романе Ч. Диккенса «Наш общий друг». Выявляются критерии, на основании которых критики и литературоведы оценивают роман (принцип правдоподобия, место романа в контексте творчества Диккенса).

Ключевые слова: Ч. Диккенс, «Наш общий друг», правдоподобие, прототипы, противоречия писателя, стиль романа.

Abstract: The article gives an overview of critical judgments of Russian and foreign researchers on the last completed novel by Ch. Dickens "Our mutual friend". Criteria, with the help of which critics assess the novel, are defined (the probability principle, the place of the novel in the context of Dickens' works).

Key words: Ch. Dickens, "Our mutual friend", probability, prototypes, writer's contradictions, novel's style.

Пожалуй, ни один роман Чарльза Диккенса не вызвал столь острой полемики, столь очевидного столкновения мнений, как «Наш общий друг» ("Our mutual friend"), написанный в 1865 году. Это последнее завершённое крупное произведение писателя, следующий за ним роман «Тайна Эдвина Друда» остался незаконченным.

Наиболее ярко полемика отразилась в англоязычной критике, которая прореагировала на роман сразу после его выхода. Шотландский журналист Э.С. Даллас, автор одной из первых рецензий на книгу, посчитал описание общества в произведении «мертвым грузом» и «слабой стороной» ("a weak side", "no importance", "dead weight" [1]), заметив, что и название романа было выбрано неудачно. Одним из самых неудачных произведений Диккенса объявил «Нашего общего друга» известный американский писатель Генри Джеймс в статье, опубликованной в еженедельнике "The Nation" в том же 1865 году. По словам Джеймса, автор «насилует себя», воображение у него мертвое, безжизненное, вымученное, механическое ("the poorest of Mr. Dickens' works", "he is forcing himself", "the fancy is dead, lifeless, forced, mechanical" [2]). Автор статьи также указывал на недоработки в сюжете: коллизия, которая должна была фиксировать отношения между соперниками в любви Рейберном и Хедстоуном, исчезла ("a story that should have been among them, has evaporated" [2]). Хвалит Джеймс только образ миссис Уилфер: "Mrs Wilfer is the first and last occasion of considerable true humour" [2].

Джордж Гиссинг, английский писатель натуралистического направления, в монографии

1898 года "Charles Dickens: a critical study" усмотрел в романе «неверную интерпретацию социальных фактов» ("misinterpretation of social facts"), приводя в качестве примера необразованную Лиззи, которая говорит и выражает чувства, как леди. ("...uses language and expresses sentiment which would do credit to a lady"). Даже юмор, которым всегда так славился Диккенс, по мнению Гиссинга, в этом произведении «вымученный» ("forced humour"). Единственное «хорошее исключение» ("good exception" [3]) для Гиссинга – это изображение подростка Чарли Хэксема. Солидаризируется с предшественниками и современный исследователь Роберт Л. Паттен (1998), заявивший, что сравнение в момент выхода «Нашего общего друга» с ранними, более светлыми романами, было не всегда в его пользу.: "The reviews were respectful, but they sometimes compared Dickens's latest production unfavourably to his earlier, sunny works..." [4]

Противоположную позицию в оценке романа занимают другие исследователи и критики как рубежа IX–XX веков, так и середины XX века. Это Джон Камеден Хоттен, автор монографии "Charles Dickens: the story of his life" (1870 г.), отметивший в «Нашем общем друге» искусность сюжета и тщательность изображения каждого героя: "...plot is most ingeniously constructed, each character an elaborate and highly executed portrait..." [5]. По мнению Хоттена, это лучшее творение Диккенса со времен «Дэвида Копперфильда». У. Т. Шор, высказавший свое мнение в 1909 г., решительно не согласен с теми, кто не относит произведение к самым высоким достижениям Диккенса: "It is generally considered that this story does not rank with his highest achievements, a verdict which we consider unjust..." [6]. Известный писатель и критик Г.К. Че-

© Ю.И. Коновалова, 2014

стертон в монографии 1906 г. восхищался сатирой в романе «Наш общий друг», подчеркнув, что поздние романы Диккенса вообще более искусны.

Эдгар Джонсон, автор одной из солидных монографий о Диккенсе (1952 г.), следующий принципам марксистской эстетики, полагает, что роман «Наш общий друг» – это один из превосходных романов в английской литературе: «Каждая деталь вплелась в великолепное единство тщательно разработанной темы и многозначных символов, что ставит роман «Наш общий друг» среди главных достижений Диккенса. С интеллектуальной и художественной точки зрения, роман является одной из вершин изумительной творческой силы писателя [...] одна из превосходных работ в английской литературе» (“...Every detail of thus woven into a superb union of searching theme and significant symbol that places OMF among Dickens’ crowning achievements. Intellectually and artistically it is one of the peaks of his stupendous creative power, [...] one of the supreme works of English fiction.” [7, 1041]).

Наконец, Джеймс Р. Кинкейд в статье 1971 года считает роман одним из самых впечатляющих у Диккенса (“one of Dickens’ most impressive novels” [8]).

При всем различии оттенков в критических и восторженных оценках произведения Диккенса, очевидно, что одним из главных критериев их является вопрос о правдоподобию сюжета и образов романа. В этом качестве решительно отказывает Диккенсу Генри Джеймс, имея в виду персонажей (“no existing types” [2]), Джеймс говорит об искусственности фигур таких злодеев, как Лэмли и Фледджи, правда, оговаривая, что отрицательные черты Райдергуда достаточно правдоподобны. Джордж Гиссинг усматривает неправдоподобие в изображении бедняков. Это, как уже говорилось, Лиззи, в своей речи и выражении чувств уподобленная леди. Это Бетти Хигден – наиболее неудачное изображение жизни бедных (“one of the least valuable of his pictures of poor life” [3]). О неправдоподобию романа говорит и Хотген.

Другие исследователи, напротив, отмечают жизненную правдивость образов и ситуаций в романе, связывая ее с усилением психологизма в изображении персонажей (Г.К. Честертон, И.М. Катарский, Э. Уилсон, В.В. Ивашева и Е.Ю. Гениева). Г.К. Честертон подчеркивает «глубокую и серьезную психологию» [9, 148] в изображении Бетти Хигден и Юджина Рейберна. И.М. Катарский считает, что «Дженни Рен – блестящее завоевание Диккенса-психолога [10, 259]. Э. Уилсон говорит о внимании Диккенса к психологическим оттенкам в изображении дружбы Юджина и Мортимера, в поведении Лэмлей, в их отношениях с Джорджианой, в сцене разговора Боффинов с Бетти Хигден, в невысказанном в диалогах между миссис Боффин и Гармоном.

Стремясь доказать жизнеспособность образов в романе Диккенса, многие исследователи обращают внимание на наличие прототипов. По мнению Э. Сондерс, многих героев Диккенс списывал с реальных людей (“drew many later characters from observation of his firm’s clients”) и изображал те места и пейзажи, которые видел каждый день (“the settings so perfectly sketched were places he encountered daily” [11]).

Современный английский писатель и литературный критик Питер Акройд говорит о том, что один из главных символов романа – куча мусора – также имеет свой прототип: это «...реальная и еще более ужасающая куча близ Кингс-кросс-роуд...» [12, 393]. Любопытно предположение Хескета Пирсона о том, что Подснап – это изображение Джона Форстера, близкого друга и первого биографа Диккенса. «...Диккенс заносил в записную книжку мысли, которые могли пригодиться ему для будущих произведений. Две записи относятся к Форстеру [...] Вот они: «Я горой стою за друзей и знакомых – не ради них самих, а потому, что это мои друзья и знакомые»; «И полагает, что раз он не признает чего-то, значит этого уже вообще не существует в природе». «Форстер не узнал себя в Подснапе – ему, разумеется, и в голову не приходило, что это именно он важничает, как индюк» [13, 303], – заключает Пирсон.

По его мнению, миссис Уилфер – это мать писателя, а Белла – Элен Тернан. Непостоянная, капризная, но вместе с тем обворожительная Белла очень похожа на Тернан. Если учесть при этом, что Элен тоже «держалась наигранно, театрально», то можно с чистой совестью отождествить ее с Беллой Уилфер, самой жизненной из всех диккенсовских героинь, кроме Доры» [13, 306-307].

По словам Пирсона, образ Хэдстоуна создан тоже под влиянием Элен Тернан. «Но вот Хэдстоун заговорил иначе. Позвольте, кто же это? Скромный учитель из школы для бедняков или знаменитый писатель? “Я не стеснен в средствах, и вы ни в чем не будете знать недостатка. Имя мое окружено таким почетом, что будет надежной защитой для вас. Если бы вы видели меня за работой; видели, что я способен совершить и как меня уважают за это, вы научились бы, возможно, даже немного гордиться мною...” Да, можно не сомневаться в том, что это сам Диккенс... Не следует, разумеется, проводить полную параллель между автором и его героем: там, где чувство молчало, Диккенс умел заменить его воображением» [13, 309].

Итак, высокая оценка романа среди мнений критиков преобладает.

Тем не менее, обобщая критические и положительные оценки, нельзя поставить точку. Более глубокий вывод связан с ответом на вопрос,

какое место в творчестве писателя занимает этот роман, свидетельствует ли он о прямом восхождении Диккенса-романиста все выше и выше, либо ответ на поставленный вопрос гораздо сложнее. Нельзя не заметить, что каждый исследователь так или иначе вписывает роман в контекст творчества писателя. Перед нами многочисленные сопоставления персонажей, сатиры и юмора, стиля писателя, его общественной позиции в романе «Наш общий друг» и в предшествующих романах. (Дж.Р. Кинкейд называет Твемлоу выросшим Оливером Твистом, Э. Джонсон говорит о явном сходстве Беллы и Эстеллы, приводя в качестве одного из доказательств созвучность их имен, а также называет Чарли Хэксама ухудшенным вариантом Пипа).

Одни исследователи говорят об углублении образов (о возросшем психологизме было сказано выше). К примеру, Беллу считают абсолютно новой, более правдоподобной героиней у Диккенса такие исследователи, как Е. Ю. Гениева, Э. Джонсон, С. Дарк, Б. Мозес, Р. Шелтон Макензи.

Новую манеру письма, так называемую скоропись вместо привычного многословия отмечает Э. Уилсон, не считая, однако, это преимуществом: «...Диккенс в своих последних романах осваивает новую манеру, своего рода скоропись, отменно разящую прогнившее общество [...] Теперь, в «Нашем общем друге», в сценах с Венирингом и Подснепом Диккенс доводит свою стенографическую манеру до совершенства. [...] почему-то это раздражает и быстрее приедается, чем прежнее насмешливое многословие. Отчасти это объясняется тем, что новая, сжатая форма уже не вмещает комических, но пространных периодов, подробно оговоренных характеристик [...] Она смазывает тонкие психологические нюансы человеческих взаимоотношений, которые и для самого Диккенса новость...» [14, 286].

Вместе с тем многие исследователи указывают на возрождение характерных черт раннего творчества Диккенса. Е. Ю. Гениева утверждает, что конец романа написан в духе раннего Диккенса, что является отступлением от завоеваний искусства в «Крошке Доррит» и «Больших надеждах». По мнению Ивашевой, в «Нашем общем друге» острота сатиры смягчается. В чем-то Диккенс даже «извиняется»: по мнению многих исследователей, образ Райи в этом романе – это своеобразная компенсация негативного образа еврея в «Оливере Твисте» (образ Феджина).

Наиболее четко отступление Диккенса от достигнутых ранее высот выявляет Т. Сильман, не отрицая и сильных сторон «Нашего общего друга». По ее мнению, в «Крошке Доррит» Диккенсу удалось представить общество как систему сложных социальных отношений: «Если сравнивать друг с другом три последних проблемных

романа – «Холодный дом», «Тяжелые времена» и «Крошку Доррит», то станет ясно, что в последнем из них автор достиг какого-то более обобщенного и законченного взгляда на современность. [...] здесь перед нами уже более широкая, более всеобъемлющая концепция капитализма. [...] общество представлено в «Крошке Доррит» в виде колоссального механизма, каждая из частей которого бесчисленными звеньями связана с остальными.» [15, 330].

Однако «Наш общий друг», по мнению Сильман, – это отступление от достижений писателя в изображении общества как системы, возвращение к романам более раннего периода. «Скрепляющие, связующие тенденции «Холодного дома» и «Крошки Доррит» здесь заметно ослабевают. Диккенс как бы возвращается к более раннему периоду своего творчества, когда им еще не был найден ключ ко всеобщей связи вещей в капиталистическом мире и когда различные пласты действительности сосуществовали в его произведениях, почти не имея внутреннего контакта» [15, 365]. Исследовательница выявляет в «Нашем общем друге» значительные «места действия», но они «не даны, как в проблемных романах, в плане социального противопоставления (или сопоставления), и объединяющий их сюжет не служит выяснению их внутренней глубокой связи...» [15, 366].

Несомненно, в «Нашем общем друге» происходит сглаживание противоречий, и все же Диккенс в этом романе не приходит к благостному, идиллическому мироощущению. Многие исследователи отмечают, что, несмотря на примирительную концовку, изображение идиллических отношений Беллы и ее отца, благородство Боффинов, в романе есть что-то жутковатое. Сильман очень точно замечает, что «...действие происходит уже в самых страшных и таинственных местах Лондона и его окрестностях. То это река Темза темным осенним вечером, по которой рыскают лодки искателей трупов, то мрачная захудалая лачуга одного из них – Гаффера Хексама, то это подозрительный трактир «Шести веселых носильщиков». Даже сравнительно благополучные семьи обитают в непроходимых и зловонных местах, как будто нарочно выисканных автором, – и все это еще более усиливает мрачный и беспросветный характер романа» [15, 367].

Э. Джонсон в книге “Dickens. His tragedy and triumph” также подчеркивает, что романы Диккенса становятся все более мрачными: «человек неохотно пробуждается каждый день ото сна. [...] Диккенс больше не обитает ни в том славном мире Пиквика, ни даже среди ярких сцен «Дэвида Копперфильда». Восточный ветер, который начал душить Холодный дом туманом, тяжелой завесой распространился по всей земле, и вместе с по-

мрачневшим взглядом Диккенса на жизнь, изменился и его мир...Уныние и отчаяние мистера Тутса более веселые, чем надежды Золотого Мусорщика» (“...only reluctantly do men each day return from sleep to waking. [...] Dickens no longer dwells in that glorious Pickwick world nor even among the brightly colored scenes of David Copperfield. The east wind that began smothering Bleak House in fog has spread a heavy pall over all the landscape, and with Dickens’ darkened vision of reality his world has changed...The gloom and despair of Mr. Toots is more high-spirited than the hopes of the Golden Dustman”) [7, 1022]. Более того, исследователь полагает, что это самый мрачный и горький роман Диккенса: “Our mutual friend” is consequently the darkest and bitterest of all Dickens’ novels” [7, 1043].

Джонсон замечает, что до «Больших ожиданий» ревность описывалась только комически, и только потом Диккенс начинает рисовать ее как страдания: «...никогда прежде до «Больших ожиданий» он не изображал ревность иначе, чем в комическом свете. Ревность Сима Тэпперита к Долли Варден просто смехотворна, муки мистера Тутса в присутствии Уолтера Гэя имеют лишь комический пафос, страдания мистера Спарклера в руках Фанни Доррит гротескно нелепы. Даже ненависть Дэвида Копперфильда к молодому человеку с рыжими бакенбардами, который захватывает внимание Доры на пикнике, видится в дымке мягкой иронии. Но, начиная с Пипа, отчаяние, вызванное улыбкой Эстеллы Бенгли Драммлу, – это агония, а пожирающая и безнадежная страсть Бредли Хедстона к Лиззи Хексем – сжигающая мука, кровотечение сердца...» (Перевод наш. – Ю. К.)

В суждениях исследователей о романе является его противоречивый характер: благополучная концовка, стремление автора к сглаживанию противоречий и ощущение автором общей неблагоустроенности картины мира. Но противоречива и позиция исследователей, пытавшихся связать степень совершенства этого произведения Диккенса со степенью его правдоподобия. Но мерить творчество Диккенса принципом жизнеподобия, принципом «мимесиса», нельзя, что в свое время подчеркнул Г.К. Честертон в статье «Краски жизни у Диккенса»: «Нелюбовь к творчеству писателя основывается на странном убеждении, будто литература обязана копировать действительность» [16]. Сила Диккенса-художника во многом была связана с его обращением к символическим образам, слу-

жащим обобщению картины социальной жизни, морально-этических отношений между персонажами (Канцлерский суд в «Холодном доме», образ тюрьмы в «Крошке Доррит»). Таков образ Темзы, образ мусорных куч в «Нашем общем друге», органичность соотношения которых с жизнеподобным планом романа – одна из сложных проблем в оценке критики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Dallas E. S. Our mutual friend / E. S. Dallas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://omf.ucsc.edu/publication/reviews/es-dallas.html>
2. James H. Our Mutual Friend / H. James [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://omf.ucsc.edu/publication/reviews/henry-james.html>
3. Gissing G. R. Charles Dickens. A Critical Study / G.R. Gissing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lang.nagoya-u.ac.jp/~matsuoka/GG-CD.html>
4. Patten R. L. The Composition, Publication, and Reception of Our Mutual Friend / R. L. Patten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://omf.ucsc.edu/publication/comp-and-pub.html>)
5. Hotten J. C. Charles Dickens: the story of his life / J.C. Hotten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/charlesdickenssoohottgoog>
6. Shore W. T. Dickens / W. T. Shore [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (http://archive.org/stream/dickenssooshorgoog/dickenssooshorgoog_djvu.txt)
7. Johnson E. Dickens. His tragedy and triumph / E. Johnson. – N. Y. : Simon and Schuster, 1952. – 1158 p.
8. Kincaid J. R. Dickens and the rhetoric of laughter / J.R. Kincaid [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.victorianweb.org/authors/dickens/kincaid2/ch9.html>
9. Честертон Г.К. Чарльз Диккенс / Г. К. Честертон – М. : Радуга, 1982. – 205 с.
10. Катарский И.М. Диккенс. Критико-биографический очерк / И.М. Катарский – М.: Гослитиздат, 1960. – 272 с.
11. Saunders E. Dickensian London / E. Saunders [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://www.csmonitor.com/2004/0128/p16s02-trgn.html>)
12. Акرويد П. Лондон. Биография / П. Акرويد. – М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2005. – 892 с.
13. Пирсон Х. Диккенс / Х. Пирсон. – М. : Молодая гвардия, 1963. – 512 с.
14. Уилсон Э. Мир Чарльза Диккенса / Э. Уилсон – М. : Прогресс, 1975 – 320 с.
15. Сильман Т. И. Диккенс / Т.И. Сильман. – М. : Худ. лит., 1958. – 407 с.
16. Честертон Г. К. Краски жизни у Диккенса / Г. К. Честертон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://russiadickens.com/live/chesterton.htm>)

Коновалова Юлия Игоревна, Воронежский государственный университет, аспирант кафедры зарубежной литературы. E-mail: jollyjulie@mail.ru

Konovlova Yuliya, Voronezh State University, post graduate student of the Department of Foreign Literature. E-mail: jollyjulie@mail.ru